

Когда говорят, что человеку повезло, это значит - какой-то момент его бытия очень удался. Вообще-то мне в жизни редко везло - всего приходилось добиваться трудом, но тут крепко подфартило. Чуть ли не полтора десятка лет работал в Киргизии собственным корреспондентом центральных газет. Там и познакомился с Чингизом Айтматовым. Еще в университете изучал его книги, охотился за новыми журнальными публикациями. И вот он живые, и вовсе не выглядит величавым классиком, просто человек, со всеми его достоинствами и слабостями, всегда готовый к хорошему разговору.

За последнюю четверть века мы не часто встречались с Айтматовым, а сейчас в Москве и совсем редко - работа послом Кыргызстана в Бельгии требует большой самоотдачи, лишь иногда отпускает на родину. Но тем более каждая встреча особенно памятна. И беседы наши считая разговором, растянутым во времени...

Однажды, в часы презентации его романа «Тавро Кассандры», задал ему вопрос, который давно занимал меня:

- Чингиз Торекулович, почти все ваши романы и повести несут на себе какой-то трагический отблеск. Вот и «Тавро» не стало исключением. Снова в финале гибнут главные герои...

- Есть тип людей, которых называют катастрофически мыслящими. Похоже, я отношусь именно к этому типу. Им постоянно мерещатся грядущие катастрофы, трагедии планетарного масштаба, вселенские крушения. Может быть, это видение оттого, что мое детство прошло в горах, где наряду с величественными пейзажами и чистыми водами на каждом шагу можно ожидать снежную лавину, сокрушительный прорыв селевого потока, землетрясение...

- И в семье у вас было не до идиллий - отец ведь был репрессирован...

- Конечно, голодное детство, безотцовщина, война, лихое послевоенное, все это, естественно, не могло не наложиться свой отпечаток на мое творчество. Могилу отца отыскали только в 1991 году рядом с селением Чон-Таш, в предгорьях хребта Ала-Тоо. Когда его забрали в НКВД, отцу было всего 34 года. Он работал секретарем обкома, потом секретарем ЦК.

- Многие репрессированные люди сами были частью Системы...

- То было все-таки особое поколение. И особая эпоха. Волна революции смела все и привела к вершинам власти одержимых идей. Эта властная идея, с одной стороны, делала их героями, с другой - мучениками. В этом - их трагедия. Массовое сознание тех лет, словно бы гипнотически заколдованное, жило невероятными, утопическими иллюзиями. Сакральными и кровавыми. Светлое будущее, заря коммунизма, мировая революция, лучезарные чертоги всеобщего равенства и братства... То поколение стало заложником этой революционной идеи. Заложником и жертвой.

- А разве нынешнее молодое поколение - не заложник, правда, другой идеи - обогатиться во что бы то ни стало?

- Всякая крайность опасна. Поколение 20-х и 30-х пытались превратить в некий монашеский орден фанатиков, полностью искоренить в нем естественный человеческий эгоизм. Но ведь это побудительный мотив двигал человечество в течение тысячелетий. Желание жить и бороться во имя личных интересов неистребимо. Разумеется, если оно не вступает в конфликт с традиционными ценностями человеческого общежития. Да и что же плохого в том, что человек мечтает сделать карьеру, получить нормальную крышу над головой для своей семьи, построить дачу, приобрести машину, дать детям наилучшее воспитание и образование?

...Мы долго говорили с ним о том, что произошло в стране за последние 10-15 лет. Я сетовал, что это было смутное время, полная неопределенность общества, некая подвешенность тысяч и тысяч человеческих судеб, раздраз в умонастроениях, эксперименты политиками, опасные для существования как нашей страны, так и всего мира в целом. В ответ Айтматов размышлял так:

- Выход, мне кажется, здесь один - извлекая урок, преподносимый нам историей, суметь преодолеть, выстрадать, избрать из этого хаоса, из общего бан-

Он радовался, как мальчишка, когда из «полароида» вылез готовый фотоснимок. Тогда эта японская игрушка была в новинку. Он без конца снимал своего младшенького - Эльдара и огорчался только одним: уж больно дорого обходится снаряжение этого аппарата. А Иссык-Куль вздымал над нами мощные папахи кучевых облаков и сияющие вершины белоглавых хребтов, обрамляющих озеро. И назывались эти отроги Тянь-Шаня Терской Ала-Тоо и Кунгей Ала-Тоо - «Обращенный к солнцу» и «Обращенный от солнца». Самого Чингиза АЙТМАТОВА я мысленно всегда считал, а сейчас и по-прежнему считаю обращенным к солнцу.

Чингиз АЙТМАТОВ:

БОГОМАТЕРЬ ДО СИХ ПОР В СНЕГАХ...

кротства то, что рационально, продуктивно и перспективно. Не просто выживать, а явиться воскресшими, в новом качестве бытия.

История не знает повторения пройденного - разве что в виде кровавого фарса. Значит, надо, отталкиваясь от нынешнего состояния общества, нравиться оно нам или не нравится, искать новые, оригинальные пути развития, не прибегая к радикальным крайностям - к социальному насилию.

Что же касается опасных экспериментов политиков... Многие я попытался высказать в романе «Тавро Кассандры» и даже довести до самой крайней, абсурдной точки гибельный, радикальный «курс», которым идет человечество. Мой герой, ученый и космонавт Крыльцов, отказавшийся возвратиться с орбиты и объявивший себя космическим монахом Филофеем, в своем послании Папе Римскому пишет: «Кровь и власть - вот тот гумус, на котором семена зла всходят семена свои для следующего зла...»

И столь велики стали за тысячелетия напластования зла, что будущие дети - кассандро-эмбрионы - не хотят появляться на свет. Но моя фантастика идет дальше - с помощью безвредных, по сути, зондаж-лучей, посылаемых им с орбитальной станции на все континенты, Филофей делает это «нежелание родиться» видимым - маленькое пульсирующее пятнышко на лбу беременной женщины свидетельствует о заочном отказе эмбриона являться в мир Божий. Это и есть «Тавро Кассандры» - знак протеста и утробного страха.

Мне кажется, что в моем Филофее определенным образом отобразилась наша эпоха. Судьба Филофея в чем-то эскизно напоминает сахаровскую. Сахаров, как и Филофей-Крыльцов, тоже создал страшное оружие. И тоже всей последующей жизнью пытался обелить, очистить себя, искупить свою вину и предупредить людей...

...Творчество Чингиза Айтматова можно, пожалуй, разделить на три основных этапа. Первые книги - словно взгляд с вершин Тянь-Шаня и Памира на малую родину, Киргизию: «Джамбия», «Тополек мой в красной косынке», «Первый учитель», «Материнское поле», «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход». Затем география книг расширяется до просторов Союза - Россия, Казахстан, Дальний Восток: «Пегий пес, бегущий краем моря», «И дольше века длится день» (Буранный полуостров), «Плаха». В последних романах он обозревает с буквально космической высоты всю планету. А вдобавок сугубый реалист вдруг вводит в сюжеты еще и фантастику. Когда я высказал ему это соображение, он, поразмыслив, ответил:

- Вероятно, так и должно было произойти. Это естественный для писателя путь - от национального к общечеловеческому. Ведь общечеловеческое складывается из национальных элементов. Не может литератор появиться из ничего и тут же воспарить в космополитические выси. Это как в музыке, композитор идет от национальных мотивов, от малых жанров к симфонии - высшей форме музыкального творчества. Саморазвитие автора неизбежно приводит к симфонизации творчества. Если, конечно, он не застывает в своем развитии на первых книгах, а идет дальше.

Но сегодня, к сожалению, возникла другая крайность, которая грозит национальным культурам самоизоляцией. И еще не известно, что опаснее - всеобщая интернационализация, свойственная советскому прошлому, или национальное «оукливание». Как бы то ни было, через это нам суждено пройти...

...Михаилу Горбачеву можно, наверное, списать многие прегрешения хотя бы за то, что он направил

Чингиза Айтматова послом Советского Союза в Люксембург. Возможно, благодаря этому и появился роман «Тавро Кассандры»? А потом он был назначен послом Кыргызстана в Бельгию. Признаться, когда я впервые услышал о том, что писатель решил испытать себя на дипломатическом поприще, то подумал: зачем ему это нужно? Сомнение свое и высказал ему при первой же встрече. Он пожал плечами:

- А ведь и писатель, и дипломат - в чем-то родственные профессии. И тот, и другой сближают народы, конечно, каждый в своей ипостаси. Как получилось, что я решил совместить эти занятия? Оказавшись в самом водовороте перестройки, я заметил, что участие во всякого рода конференциях, съездах, пленумах и форумах не дает мне даже приблизиться к писательскому столу. Вот тогда и пришел к Михаилу Горбачеву, объяснил ему эту патовую для литератора ситуацию. Так стал послом в Люксембурге, а через три с небольшим года послом нашей республики в Бельгии.

- И как, удается работа «по совместительству»?

- Посольская служба - нелегкое дело, но время все-таки остается. Во всяком случае, ночь - моя, и утро - с пяти до десяти - мое. Статьи, дипломатическая работа дает возможность встречаться с интереснейшими людьми. Это обогащает меня как литератора. Приходится часто бывать в Турции, Швейцарии, Австрии, Германии, где издаются и переиздаются мои книги. Встречаюсь с читателями и вижу, чувствую, что в Европе возрастает интерес к нашей литературе, к нашим героям, к нашей истории. Встречи бывают очень многолюдными, порой проходят они даже в храмах. Тамашные священнослужители отнюдь не консервативны - они чутко откликаются на запросы прихожан. Такие беседы иногда продолжаются по три и более часа, причем инте-

рес к ним проявляет и множество молодых людей.

...Однажды друзья-журналисты в Киргизии рассказали мне такую историю, когда мы ехали через трехтысячный перевал Тюя-Ашу, который находился на высокогорной трассе Фрунзе-Ош. Один из них показал на высокий заснеженный пик:

- Знаешь, как он называется? Пик Твардовского! Так Чингиз его назвал. Был юбилей поэта, и Айтматов во время привала остановился так называть эту вершину и даже отправил по этому случаю телеграмму Твардовскому из ближайшего отделения связи...

Не знаю, было ли официально закреплено название пика на географических картах, но свидетельствует это об одном - о трепетном отношении Айтматова к русской литературе. Недавно на встрече с читателями Ленинской, ныне Российской государственной библиотеки, по случаю Дней культуры Киргизской Республики в Российской Федерации писатель говорил:

- Русская, российская литература, которая заложила огромный, прочный фундамент мировой литературы, обязательно переживет сегодняшние трудности и еще скажет свое веское слово. Вообще русской литературе свойственно необыкновенное мировосприятие. Что бы ни происходило, она на любые события быстро отзывается и распространяется широчайшим образом. Это достоинство свойственно русской литературе и счастливо сохранялось, несмотря на издержки рыночной экономики, коммерциализирующей печатное слово.

На чествовании писателя в Центральном доме литераторов по случаю его 75-летия он продолжил эту мысль:

- Литература советского периода - российская, национальных республик - и сегодня занимает на мировой арене достойное место. Будем же помнить и ценить наше родство!

Воспользовавшись этим дружеским празднично-юбилейным застольем, организованным коллегами Чингиза Айтматова по перу, я задал ему несколько кратких вопросов.

- На Иссык-Куле бываете, Чингиз Торекулович?

- Как я могу не навещать озеро, где написал лучшие вещи? Более того, сейчас мы хотим там построить международный культурный центр. Сейчас фонд Айтматова собирает на это средства. Выделено 10 гектаров возле Чолпон-Аты, заложен фундамент. Будут выставочные залы, холлы, кинозал, отель, проекты уже разработаны. Здесь будут проводиться встречи известных литераторов, кинофестивали, театральные и музыкальные конкурсы, семинары молодых писателей и поэтов. Нам надо возродить наши связи.

- Над чем работаете? Когда мы увидим новую книгу?

- Я суверен. Стараюсь не говорить о своих планах. Был у меня прокол - начал в «Литературной газете» отрывок из повести «Богоматерь в снегах». Поторопился. Так что Богоматерь до сих пор в снегах... Но - работаю.

- Как семья?

- Все нормально. Жена - лучшая моя помощница. Старшие сыновья - один в Москве, на таможенной службе, другой - министр иностранных дел нашей республики. Так что он меня как посла вполне может вызвать «на ковер». Дочка в Англии, пошла по моим стопам, пишет. Правда, на английском языке. Оценить ее творения могу, только если она мне что-то переведет. Самый младший - художник, учится в Брюсселе, в Королевской академии изящных искусств. В его шедеврах я ничего не понимаю - там культивируют абстракционизм.

...Меня всегда поражала лепка его лица. Мощный софитовский лоб, крутые надбровные дуги, открытые в мир и открытые миру глаза, сегодня уже совершенно седая шевелюра. Лицо мыслителя, нашего современника, который в познании мира принесет нам еще много неожиданного. Как океан, до сих пор полный тайн.

Виктор ШИРОКОВ